

Е.А. Салиас

**Собрание сочинений графа Е.
А. Салиаса**

**Том 14. Барыни-крестьянки.
Фрейлина Марии Лещинской**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.А. Салиас**
Собрание сочинений графа Е. А. Салиаса: Том 14. Барыни-крестьянки.
Фрейлина Марии Лещинской / Е.А. Салиас – М.: Книга по Требованию, 2013. –
500 с.

ISBN 978-5-458-52667-8

ISBN 978-5-458-52667-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

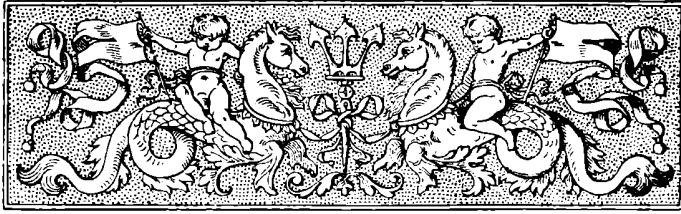
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ ясный ноябрьскій вечеръ, не смотря на сильный морозъ, на одной изъ немногихъ широкихъ улицъ первопрестольной Москвы происходило то, что именуется Вавилонскимъ столпотвореніемъ.

По улицѣ и по всѣмъ прилегающимъ къ ней переулкамъ кишѣлъ будто человѣческій муравейникъ. Двигались, шли и ѣхали, переплетались и путались вереницы колымагъ, возковъ и всякихъ экипажей, а между ними всадники и пѣшіе.

Среди этой сумятицы высились большія каменные палаты и сіяли всѣми окнами. Весь дворъ, столбы ограды, часть прилегающей къ нему улицы были сплошь усѣяны плшками и шкаликами, а кой-гдѣ кадучками съ горящею смолой. И отъ этого барскаго дома зарево стояло на всю Москву.

Здѣсь жилъ уже давно не то опальный, не то на покоѣ, но во всякомъ случаѣ удаленный или удалившійся отъ двора, знаменитый графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій.

Въ этотъ вечеръ графъ давалъ балъ буквально на всю дворянскую Москву. Съѣздъ былъ такъ великъ, что только женщины въ бальныхъ костюмахъ съ высокими мудреными прическами терпѣливо оставались сидѣть въ своихъ возкахъ или каретахъ, ожидая возможности добраться въ очередь до подъѣзда и выйти; мужчины, не смотря на необычность такого поступка, рѣшались бросить экипажъ среди улицы и шли

пѣшкомъ чрезъ дворъ до крыльца дома, въ сопровожденіи своихъ лакеевъ или гайдуковъ.

Графъ Орловъ давалъ балъ, про который въ Москвѣ уже ходило по городу одно словечко: „промахнется“. Москва и сановная, и просто свѣтская, нѣсколько дней толковала про этотъ балъ, устроенный въ огромныхъ размѣрахъ, и все повторяла то же слово. Но это выраженіе вовсе не означало того, что балъ будетъ не удаченъ, не блестящъ, не любопытенъ.

Алексѣй Григорьевичъ, при своемъ страшномъ богатствѣ и умѣньи тратить деньги, обращавшій большое вниманіе на показную сторону во всемъ, долженъ былъ, конечно, и на этотъ разъ удивить столицу великолѣпиемъ своего празднества.

Выраженіе „промахнется“ относилось совершенно къ иному обстоятельству. Произнося это слово, и сановники, и дворяне лукаво подмигивали или трясли головой. Слово это имѣло гораздо большее значеніе. Оно говорило о томъ, что у графа есть своя затаенная цѣль, и хитрая, и серьезная, которую онъ себѣ поставилъ, которой хочетъ достигнуть этимъ баломъ, а черезъ день или два—другимъ пиромъ, обѣдомъ для дворянъ, а на дворѣ для простонародья. Но москвичамъ казалось, что графъ своими празднествами этой цѣли не достигнетъ: „промахнется“!

Богатая и изящно отдѣланныя палаты едва вмѣстили въ себя всю массу гостей. Во всѣхъ горницахъ стояли сплошныя кучи разряженныхъ дамъ, кавалеровъ штатскихъ и военныхъ. Все блестяло, сіяло, собираясь веселиться, но повсюду, во всемъ, во всѣхъ гостяхъ будто пролилась какая-то невидимая, загадочная волна...

Танцы давно начались въ большой залѣ, но такъ какъ не достало тамъ мѣста, танцовали и въ сосѣдней гостиной. Громный и лучший въ Россіи оркестръ гремѣлъ такъ, что его слышно было на улицѣ черезъ двойныя рамы. Въ другихъ горницахъ за многими столами играли въ карты.

Но во всѣхъ этихъ горницахъ, на всѣхъ лицахъ, чуть ли даже не на физиономіяхъ прислуги графской чудилось одно и то же: желаніе радоваться при полной невозможности, желаніе не веселиться, а казаться веселымъ.

Всюду было какъ бы написано, чуть не на самыхъ стѣнахъ начертано большими буквами, на подобіе таинственныхъ словъ: Мани, Факель, Фаресь,—неизвѣстность, тревога,

боязнъ. И однако, хотя всякій это чувствовалъ, никто ни единымъ словомъ на вечерѣ не обмолвился.

Самъ хозяинъ, высокій, мощный въ плечахъ, черезчуръ полный, но все еще красивый, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, любезно принималъ гостей и всячески заботился о всѣхъ: дамъ разсаживалъ, сановниковъ и пожилыхъ лицъ пристраивалъ за карты, за шахматы, или за какое иное занятіе, стараясь, чтобы каждому было пріятно, а молодежь-кавалеровъ посылалъ танцовать до упаду.

При этомъ графъ изо всей силы, больше чѣмъ кто-либо на этомъ балѣ, старался показаться радостнымъ и счастливымъ донельзя. Но потому ли, что онъ не умѣлъ притворяться, или на душѣ его черезчуръ кошки скребли, только всякій москвичъ, давно привыкшій къ своему Алексѣю Григорьевичу, видѣлъ по глазамъ его, что знаменитому вельможѣ далеко не до веселья.

И самъ графъ, глядя на всѣхъ другихъ, смотрѣлъ въ нихъ какъ въ зеркало. Онъ видѣлъ и въ нихъ одинаковое со своимъ состояніе души, хотя въ гораздо меньшей степени. Всѣ тревожились и вопросительно взирали на него, озабоченные нѣсколько собой, но еще болѣе имъ.

Въ каждомъ взглядѣ, который графъ ловилъ на себѣ, онъ читалъ тотъ же вопросъ: „что съ тобой будетъ“? Или же онъ читалъ то словечко, которое бѣгало давно по Москвѣ: „промахнешься!“

Во все время бала, начавшагося въ девять часовъ, вплоть до полуночи длилось это странное, будто разлитое въ палатахъ настроеніе. Бальная суета и пустыя незначущія рѣчи, какъ журчанье ручьевъ, отличались на этотъ разъ лишь тѣмъ, что всѣ гости много толковали о монархинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и поминали громкія имена лицъ, ярко освѣтившихъ навсегда страницы ея царствованія, долгаго и славнаго.

Однако не только въ горницахъ, гдѣ перешептывались праздно-сидѣвшіе гости, но и за карточными столами, наконецъ, даже въ бальной залѣ, на устахъ у всѣхъ появлялись чаще всего четыре фамиліи. Имена эти, о которыхъ многіе тридцати-лѣтніе люди почти ни разу еще ничего не слыхали, были: Аракчеевъ, Кутайсовъ, Растопчинъ, Гудовичъ.

Нѣкоторые собесѣдники заставляли себѣ повторять эти фамиліи. Въ одной маленькой гостиной, гдѣ сидѣли сплошь сановники, заслуженные генералы, или московскіе старожилы-

дворяне, важные не чинами и звѣздами, а Рюриковскимъ именемъ и несмѣтнымъ состояніемъ, всего чаще повторялись эти имена. То и дѣло слышалось:

— Да откуда же онъ?

— Съ кавказскихъ предѣловъ. Это у вратъ персидскихъ, цѣлое такое княжество—Кутаисъ.

— Что вы, такого нѣтъ!

— Ну, городъ что ли! А то и посадъ. И по немъ названіе, прозвище получено...

— Плѣнный князекъ!

— Ну, батюшка, знаемъ мы этихъ плѣнныхъ князей да графовъ. Небось, просто чернавкинъ мальчугашка.

— Ну, а этотъ Ракачевъ? или Карчевъ, что ль?

— Этотъ дворянинъ русскій. Только онъ какъ-то иначе прозывается.

— Какой чортъ: Карчевъ. Его зовутъ Аракчевъ.

— Ну, а Гудовича—правда, что вернуть?

— Сказываютъ: вернуть, озолотятъ, въ графы произведутъ...

— Да за что?

— Тридцать шесть лѣтъ въ опалѣ былъ и такъ ни за что вѣдь. А былъ первымъ любимцемъ Петра Ѳеодоровича.

— А Растопчинъ что такое?

— А это уже никому неизвѣстно. Да и чудно какъ: Растопчинъ! Что-то не по-русски. Знать татаринъ.

— Да! Что-то будетъ? Что-то будетъ? кончалась всякая бесѣда припѣвомъ и вздохомъ.

— Ну, а „нашъ-то“? вѣдь не одобровать? кивали иные на стѣны великолѣпнаго дома.

— Да пожалуй что нынѣшній балъ—последній. Не уѣхать бы ему туда же, куда ѣздили разные Меншиковы, Бестужевы и Волынскіе.

— Волынскойъ никуда не ѣздили. Ему голову отрубили.

— Нѣтъ, это ужъ много будетъ. Этому не отрубятъ. Не за что. А сослать—пожалуй, сошлютъ. А уже этимъ баломъ, вѣрно сказывается Москва, промахнется онъ.

Послѣ полуночи балъ нѣсколько оживился, но все-таки то же странное настроеніе продолжало держать все многолюдное общество какъ бы въ тискахъ.

Балъ этотъ давалъ графъ Орловъ ради восшествія на престолъ новаго императора, Павла Петровича.

II.

Въ числѣ другихъ колымагъ, около десяти часовъ подъѣхала къ дому Орлова одна большая, желтая, раззолоченная, съ цугомъ воронныхъ коней.

Изъ нея вышелъ старикъ, свѣжій лицомъ и бодрый осанкой, хотя при этомъ онъ сильно прихрамывалъ и волочилъ ногу, опираясь на палку. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала высокая и стройная дѣвушка, но уже зрѣлыхъ лѣтъ и очень некрасивая.

Старикъ, съ ея помощью, поднимаясь медленно по парадной лѣстницѣ, остановился на площадкѣ при поворотѣ и выговорилъ тихо и сухо:

— Ну, Прасковья Андреевна, помни. Это мое послѣднее тебѣ слово—родительское и властное... Не порти мнѣ великаго радостнаго событія всероссійскаго. Либо миромъ, либо воевательствомъ кончимъ. А дочкѣ съ отцомъ не стать воевать! Да со мной оно и всякому чужому не повадливо. И генераль тоже у новаго монарха на замѣчаніи особливомъ. Ну, а я вѣрно знаю, здѣсь, сегодня, онъ по модному тебѣ объявится самъ. Ты дѣвка старая—и не прихотничай. А хочешь коли воевать—навоюешь себѣ отъ меня келью и рясу. Вотъ тебѣ весь сказъ!

Дѣвушка слушала потупясь и не отвѣчала ни слова.

Затѣмъ они поднялись еще и вошли въ гостиную.

Суровый на видъ и прихрамывающій гость, особенно любезно принятый хозяиномъ дома, сталъ весело здороваться на всѣ стороны и сразу по всему оказался исключеніемъ изъ общаго правила. Онъ одинъ глядѣлъ и бесѣдовалъ счастливый, радостный и даже какъ будто гордый своею радостью, когда всѣ лица кругомъ выражаютъ тревожное недоумѣніе. Это былъ исконный москвичъ, старожилъ, извѣстный всей столицѣ князь Андрей Ивановичъ Березопольскій.

Отличительною чертою князя была родовая гордость, доходившая часто до надменности, и если родни у него было много въ Москвѣ, то друзей почти не было. Про него выражались, что у него рука тяжела, глазъ скверный, что онъ инымъ словомъ какъ обухомъ ударить.

Князь никогда не сердился. Повидимому, гнѣвъ ему былъ незнакомъ. И вообще въ отношеніяхъ съ людьми, ниже и выше его поставленными, онъ былъ чрезвычайно ровень, по

наружности благодушень, но на самомъ дѣлѣ его всѣ боялись и никто не любилъ.

Иногда случалось князю тихимъ и сладкимъ голосомъ поговорить съ кѣмъ-нибудь нѣсколько минутъ и послѣ этого онъ наживалъ въ этомъ человѣкѣ себѣ врага на всю жизнь. Случалось это потому, что князь не только не щадилъ самолюбія ближнихъ, но тщательно старался направлять свои удары, мѣткіе и острые, именно на большое мѣсто. Зная, что его боятся, князь и этимъ очень гордился.

Быть можетъ, этотъ человѣкъ былъ бы совершенно другимъ, если бы судьба его повернулась иначе. Его крутой, тяжелый и неуживчивый нравъ явился послѣдствіемъ неудачи въ молодости.

Когда-то давно, лѣтъ сорокъ тому назадъ, князь, начавшій службу при императрицѣ Елизаветѣ, блестящій офицеръ, многого ожидалъ отъ восшествія на престолъ императора Петра Феодоровича. И дѣйствительно, едва только скончалась дочь Петрова, какъ Березопольскій появился въ числѣ если не любимцевъ, то ближайшихъ лицъ при молодомъ императорѣ. Онъ былъ пріятелемъ Гудовича, который, въ свою очередь, былъ другомъ и государя, и Воронцовой.

Въ первые же три мѣсяца царствованія новаго императора Березопольскій получилъ два чина одинъ за другимъ и сталъ премьеръ-майоромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кавалеромъ новаго голштинскаго ордена Анны, который раздавался императоромъ только приближеннымъ лицамъ.

Двадцатипятилѣтній премьеръ-майоръ князь Березопольскій, довольно видный собой, если не съ красивымъ, то съ выразительнымъ лицомъ, очень богатый человѣкъ, владѣтель двухъ большихъ вотчинъ въ Ярославской и Рязанской губерніи, могъ ожидать вскорѣ всякихъ благъ земныхъ отъ новаго императора.

Будучи въ кружкѣ Гудовича, Перфильева, Измайлова и другихъ ближайшихъ лицъ къ Петру III, князь Березопольскій, такъ же какъ и они, ничего не видѣлъ кругомъ себя изъ того, что творилось, готовилось, угрожало... Всѣ они ничего не замѣчали, не предугадывали, какъ бы ослѣпли. То, что предчувствовалъ, если не зналъ и не видѣлъ, всякій петербургскій обыватель, для нихъ было покрыто тайной или какой-то чародѣйскою пеленой. Когда разразился надъ Питеромъ ударъ, они всѣ, въ томъ числѣ и князь, не въ-

рили собственнымъ глазамъ. Имъ показалось страшнымъ свидѣніемъ: канунъ Петрова дня, дѣйство гвардіи въ Петербургѣ, походъ новой императрицы въ Петергофъ и удаленіе императора въ Ропшу.

Разумѣется, черезъ нѣсколько дней Березопольскій очутился въ такомъ положеніи, что приходилось волей-неволей покидать Петербургъ.

Но этотъ ударъ честолюбію, а также разнымъ помысламъ и мечтамъ, глубоко отозвался въ душѣ Березопольскаго и повліялъ на его характеръ, на всю его жизнь. Впереди не было ничего. Единственное неотъемлемое право выслужилъ онъ у правительства: выйти въ отставку и выѣхать изъ Петербурга по добру по-здорову въ Москву или въ какой-либо иной городъ, а не быть сосланнымъ въ вотчину.

Князь перебрался въ Первопрестольную, гдѣ еще жила его старуха-мать, давно овдовѣвшая, и гдѣ было много родни. Но затѣмъ вскорѣ онъ, не столько изъ любознательности, сколько отъ ложнаго стыда предъ москвичами, выхлопоталъ себѣ дозволеніе поѣхать за-границу.

Послѣдствіемъ путешествія и пребыванія въ королевствѣ Польскомъ явился бракъ на родовой нѣмкѣ, съ которой князь познакомился въ Варшавѣ.

Дальше князь, конечно, не поѣхалъ, а вернулся съ женой въ Москву на жительство.

Теперь, уже старикъ шестидесяти лѣтъ, онъ былъ давно вдовъ и жилъ въ московскомъ домѣ съ единственною дочерью, наслѣдницей большого состоянія, которую однако до сихъ поръ не удавалось ему выдать замужъ.

Дочь на рукахъ, уже зрѣлая дѣвица, отчасти тяготила князя. Отношенія между отцомъ и дочерью были странныя. Умная княжна называла обращеніе съ ней отца— „параднымъ“. Оно было безукоризненно предупредительное и ледяное.

Въ этотъ вечеръ, на балъ къ графу Орлову князь явился сияющій и счастливый, зная, что императоръ уже послалъ курьера просить Гудовича въ Петербургъ. Стало быть тѣ, кто остался отъ временъ Петра III—опять пойдутъ въ гору.

И хотя модно теперь князю, въ его года, снова мечтать о чемъ-либо, но тѣмъ не менѣе онъ радовался. Онъ можетъ сразу изъ рукъ монарха получить все то, что могъ бы выслужить за тридцатичетырехлѣтнее царствованіе Екатерины.

Княжна прошла въ бальную залу и сѣла въ углу на ди-

ванчикъ. Хотя ее стали тотчасъ же приглашать на разные танцы, но она всячески старалась, какъ всегда, избавиться отъ танцевъ и кавалеровъ. Она знала, что ее приглашаютъ только поневолѣ, когда не достанетъ пары или когда иному записному, отчаянному танцору все равно, съ кѣмъ ни итти.

Въ этотъ вечеръ княжна, къ тому же, была еще грустна и встревожена до крайности.

И день этотъ начался для нея не заурядно... Въ этотъ день поутру ее поздравляли всѣ въ домѣ. Поздравилъ и отецъ, но прибавилъ:

— Хотя, сударыня моя, поздравлять, по правдѣ сказать, не съ чѣмъ!

Въ этотъ день минуло княжнѣ двадцать девять лѣтъ.

— Еще одинъ годъ, сказалъ князь, любезно кланяясь, — *et vous pouvez, ma bonne, de droit—coiffer Sainte Catherine!*

Князь, пріѣхавъ на балъ, уже въ третій разъ, твердо, сурово, почти гнѣвно подтвердилъ дочери не совѣтъ, а приказаніе. У него нашелся наконецъ подходящий женихъ, который уже объяснился съ нимъ, и хотя они говорили не прямо, но оба поняли другъ друга и разстались крѣпко облобызавшись, какъ будущіе родственники.

Женихъ рѣшилъ, что, въ виду возраста княжны, онъ долженъ прямо и ясно переговорить съ ней самой, но почему-то хотѣлъ непременно сдѣлать это не въ домѣ князя, а на Орловомъ балѣ, во время танцевъ. Генералу-жениху казалось такое предложеніе гораздо болѣе интереснымъ, а главное—болѣе моднымъ.

Въ прежнее время засылали свахъ и сватовъ въ домъ. Потомъ хлопотали исключительно между собой родители обѣихъ сторонъ, безъ свахъ. Затѣмъ женихи стали являться лично, а родители ограничивались ролью рѣшителей судебъ. Наконецъ, за послѣднее время явилась новая мода: молодые люди изъяснялись сами въ своихъ чувствахъ непосредственно своему предмету.

III.

Княжна, озиравшаяся кругомъ себя въ залѣ, вдругъ пытливо устремила глаза къ входной двери и слегка ахнула.

Ея вниманіе привлекъ одинъ изъ гостей, стоявшій на порогѣ и глядѣвшій на танцующихъ.

Этотъ гость прежде всего поражалъ своимъ маленькимъ ростомъ при сильной тучности. Это былъ почти четырехугольный человѣкъ съ добродушно-круглымъ, пухлымъ лицомъ и добрыми веселенькими глазками. Особенность его лица заключалась въ томъ, что совершенно невозможно было опредѣлить его года. Ему могло быть и подъ тридцать, и всѣ пятьдесятъ.

Княжна быстро поднялась съ мѣста, прошла, минуя пары танцующихъ, и подойдя къ толстому человѣчку, проговорила съ особеннымъ оживленіемъ:

— Братецъ!.. какими судьбами? когда?..

Толстякъ обнявъ подошедшую, какъ-то странно, по младенчески чмокнувъ ее въ обѣ щеки пухлыми губами и, разсмѣявшись, выговорилъ:

— Вчера, ввечеру. Измучился съ пути, проспалъ чуть не до полудня! Хотѣлъ, сестрица, заѣхать среди дня, да не удалось. А вотъ сейчасъ здѣсь цѣлый часъ искалъ васъ и дядюшку, да нешто въ этой сутолокѣ найдешь кого!

— Пойдемте, пойдемте! выговорила княжна и, потянувъ за руку толстяка, пошла съ нимъ въ одну изъ гостиныхъ, гдѣ сидѣли исключительно пожилые люди.

Усѣвшись въ углу, они оба, довольные встрѣчей, закидали другъ друга вопросами.

Толстякъ, котораго княжна называла братцемъ, былъ тоже князь Березопольскій—троюродный племянникъ ея отца.

Дружбы, какая можетъ быть между сверстниками, между ними никогда не бывало, такъ какъ разница лѣтъ оказывалась слишкомъ велика. Князю Ильѣ Петровичу было въ дѣйствительности безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ, и когда княжна явилась на свѣтъ, онъ уже былъ офицеромъ. Впослѣдствіи, въ качествѣ взрослого большого братца, притомъ одинокаго, князь Илья Петровичъ всячески баловалъ свою крошечную сестрицу.

— Въ Москву надолго ли?—спросила княжна радостно.

— Самъ не знаю. Думаю, что въ Россію надолго.

— А теперь прямо изъ своихъ мѣстъ—изъ Франціи?

— Нѣтъ, прямо изъ Молдавіи, сестрица, изъ Яссы.

— Когда вы уѣхали въ послѣднее-то путешествіе? Вѣдь мы что-то уже давно не видались.

— Да, уже года четыре будетъ. А вы ничего не перемѣнились, сестрица!

— А вы что же ждали, что я похорошѣю въ эти годы? Вѣдь мнѣ сегодня почти тридцать стукнуло.

— Э, голубушка! махнулъ князь рукой.—Вижу, все та же пѣсенка.

— Какая пѣсенка?

— Да про себя! Ваша старая пѣсенка. Дурная я, да старая, такая, сякая, не мазаная! А все это вранье! Для меня нѣтъ лица пріятнѣе вашего. Не будь мы родственники, я бы вотъ на васъ сейчасъ не мигнувъ женился! шепнулъ князь таинственно и весело разсмѣялся, нагибаясь къ дѣвушкамъ.

— Вотъ развѣ, что вы, произнесла она.—Я полагаю, что васъ и силкомъ-то никогда никто бы не женилъ. А если бы свели связаннаго подъ вѣнецъ, вы бы послѣ вѣнца застрѣлились.

Князь молчалъ, вздохнулъ и выговорилъ вдругъ совершенно серьезно:

— Можетъ быть, сестрица, можетъ быть. Какъ подумаю я, какъ это люди женятся, какъ это они женатыми на свѣтѣ живутъ...

Онъ развелъ руками и снова вздохнулъ.

— Удивительно!

— Что же вы дѣлали теперь за-границей?

— Да ничего ровнехонько. Гдѣ поживу — порисую, гдѣ поживу — поиграю. Акварель уже бросилъ, пастелью рисую, и почти что совсѣмъ не плохо. Говорятъ, даже хорошо. Прежде у меня, у всѣхъ фигуръ глаза кривые и косые выходили, а носъ всегда являлся не на мѣстѣ. А теперь все это въ порядкѣ.

Князь говорилъ это такимъ добродушно-серьезнымъ голосомъ, что никогда нельзя было знать, шутить онъ или нѣтъ.

— А вотъ еще, сестрица, флейту новую купилъ въ Болоньѣ. Сказываютъ ей двѣсти лѣтъ, и дорого заплатилъ. Въ Венеціи оцѣнили ее въ тысячу рублей.

— Флейту? Да вѣдь вы, кажется, на кларнетѣ играли?

— Караулъ! Отцы мои! заоралъ вдругъ князь на всю горницу.—Брысь! брысь! Что вы это! На кларнетѣ!? Я!? Нѣтъ, до этакого сраму не доживалъ никогда!

— Да не все ли равно! удивилась княжна.

— Что вы? что вы? Вы лучше молчите! Во мнѣ музыкантъ весь затрепеталъ. Головокруженіе дѣлается... Кларнетъ и флейта—одно и то же! Да это просто кощунственныя рѣчи! На флейтѣ какой-то олимпійскій богъ игралъ. Можетъ быть